

Из опыта оперативно-служебной деятельности политбюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 годы (по материалам Нижнего Поволжья и Донской области)

А.Е. Епифанов

Отдел по изучению проблем истории МВД России
Научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
г. Москва
mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

В статье с историко-правовых позиций раскрываются организационные и правовые основы деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 гг. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала, относящегося к пределам Нижнего Поволжья и Донской области, автором анализируются основные принципы и содержание оперативно-служебной деятельности политбюро, показаны их результаты применительно к территории отдельных уездов.

Ключевые слова:

политическое бюро, уездное управление милиции, чрезвычайная комиссия

Организационные и правовые основы деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции являлись темой для многих исследований по истории отечественных органов внутренних дел. В основанных на архивных документах работах М.Ю. Гутмана [1], Е.А. Кобелева [2], А.В. Кожина [3], Е.А. Шаталова [4], С.А. Иванова [5] и др. детально раскрываются организация и деятельность названных политических бюро как в пределах Советской России в целом, так и их особенности применительно к некоторым губерниям РСФСР. Вместе с тем исследователями отмечается дефицит материалов, характеризующих практическую деятельность политбюро и ее результаты [1, с. 31].

Проведенные исследования показали, что многие принципиальные вопросы, связанные с организацией и деятельностью политбюро, были отнесены к компетенции губернских чрезвычайных комиссий (далее – ЧК) и управлений региональной координационной мастерской (далее – РКМ), соответственно, к местному нормотворчеству. В этой связи имеются основания предположить, что значительное количество эмпирических источников в этой

From the experience of operational and service activities of the Political Bureau under the Heads of District militia departments in 1920–1921 (based on the materials of the Lower Volga and Don regions)

A.E. Epifanov

Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow
mvd_djaty@mail.ru

Abstract

The paper reveals the organizational and legal foundations of the activities of Political Bureaus under the Heads of the District militia departments in 1920–1921 from the historical and legal positions. On the basis of archival material introduced into scientific circulation for the first time, relating to the limits of the Lower Volga and Don regions, the author analyzes the basic principles and content of the operational and service activities of the Political Bureau, shows their results in relation to the territory of individual districts.

Keywords:

Political Bureau, District militia department, emergency commission

сфере до настоящего времени остаются без внимания на местах. В статье с использованием архивных материалов, касающихся правового регулирования и практики деятельности политических бюро при начальниках уездных управлений милиции Нижнего Поволжья и Донской области в 1920–1921 гг., предпринята попытка скорректировать и дополнить представления, уже сложившиеся в изучаемой сфере.

Деятельность политических бюро регулировалась инструкциями губернской ЧК и Всероссийской чрезвычайной комиссией (далее – ВЧК). Они обязаны были выполнять все задания последних и регулярно информировать их и вышестоящее милицейское руководство о политическом состоянии уезда, а также своей работе. Ответственность за качество работы политических бюро перед губернской чрезвычайной комиссией (далее – губЧК) возлагалась на начальников уездной милиции [6, л. 2].

К компетенции последних было отнесено общее руководство вверенными политическими бюро. Их непосредственными руководителями являлись особые помощники начальника уездной милиции. На них возлагалась вся

ответственность за правильность, законность, своевременность и «строгость» исполнения задач губЧК, а также ведение порученного им следствия.

31 марта 1920 г., согласно распоряжению ВЧК в Царицыне состоялось заседание губЧК, куда были приглашены представители ревкома, комитета РКП(б), отдела управления и начальник милиции губернии. Названное совещание посвящалось вопросам проведения в жизнь положений об организации политических бюро при начальниках уездных управлений милиции. В частности, на нем были определены штаты политбюро, назначены новые начальники уездных управлений милиции (там, где прежние оказались беспартийными или не соответствовали предъявляемым требованиям), а также уполномоченные и секретари политических бюро [7, л. 89]. В ходе совещания штат секретных агентов и информаторов политбюро по каждому уезду был определен в количестве 10 чел.

Как оказалось, не все начальники уездной милиции поняли точный смысл и положения посвященных политбюро инструкций. Поэтому уже 15 июня 1920 г. президиум Царицынской губЧК вынужден был выступить в отношении них с необходимыми разъяснениями, содержащимися в особом приказе № 75 [8, л. 27–29]. Прежде всего, в нем подчеркивалось, что политбюро работают исключительно по поручениям, под непосредственным наблюдением, руководством и по инструкции губЧК, отчитываясь о выполнении оперативных заданий только перед ней. Поставленные во главе политбюро начальники уездных управлений милиции в части общего руководства ими, а также успешного выполнения поставленных задач несли ответственность также только перед губернской ЧК.

Так, согласно приказу ее председателя Зиновьева № 78 от 9 апреля 1921 г., все политбюро и милиция уездов обязаны были наблюдать за сдачей населением в 5-дневный срок награбленных бандитами материальных ценностей, а также всего оружия; обязательным осуществлением крестьянами полевых работ – под угрозой расстрела на месте за неисполнение, как соучастников бандитов [9, л. 59].

Практика показала, что формирование агентурно-осведомительного аппарата политбюро на местах происходило с большим трудом. Так, в феврале 1920 г. политбюро было образовано при управлении милиции 2-го Донского округа Донской области во главе с его начальником. В его составе числились пять ответственных работников, а также осведомители и секретные агенты [10, л. 3]. К ноябрю того же года работа названного политбюро была признана неудовлетворительной, в основном, по причине кризиса кадров. Как оказалось, подобрать необходимый контингент не только опытных чекистов, но и просто «политически развитых» сотрудников, не представилось возможным. Поручить отбор, вербовку и инструктирование осведомителей оказалось некому. По мысли начальника политбюро, для формирования осведомительной сети в округе, в каждом из пяти районов необходимо было иметь хотя бы одного уполномоченного по информации. Точное и своевременное информирование о политическом и экономическом состоянии округа представлялось возможным лишь

при такой постановке дела. В захолустных хуторах и станицах оперативно-служебные возможности милиции были крайне слабыми, поэтому агентам политбюро приходилось выполнять возложенные на них задачи по осведомлению самостоятельно.

Политбюро были взяты на учет и под негласный надзор – все служащие советских учреждений. Кроме того, издан приказ о регистрации буржуазии и духовенства, представителям которых предлагалось заполнить специальную анкету [11, с. 15].

По результатам проделанной работы по негласному освещению округа, его политическое состояние политбюро было оценено как неудовлетворительное. В основном это было вызвано его недавним освобождением от белых, а также контрреволюционной агитацией со стороны казачества. Негативное влияние на настроение населения оказывали продрозверстка и направленная против нее агитация кулачества. Примечательно, что сотрудники политбюро активно содействовали продрозверстке, в основном путем «самого горячего участия» в изъятии недовольных и агитаторов против нее. За отсутствием необходимого количества сотрудников и обмундирования для имеющихся, политбюро было крайне затруднительно осуществлять соответствующие мероприятия, которые требовали постоянных разъездов по районам округа в зимнее время. По мысли начальника окружного политбюро, с тем чтобы поднять его работу на должную высоту, необходимо было увеличить штат сотрудников как минимум втрое [10, л. 58].

В зависимости от степени важности материалы о политическом состоянии уезда передавались стоящим во главе политбюро начальником милиции своему помощнику на предмет их дальнейшей проработки и движения. В случае необходимости для «осведомления» мог привлекаться весь аппарат уездной и волостной милиции. В целом недостатки в секретно-осведомительной работе политбюро были вызваны слабой работой разведки и отсутствием необходимых для ее проведения агентов.

Как правило, составляемые политбюро информационные сводки по вверенной территории включали разделы, посвященные общему политическому состоянию, забастовкам, политическим партиям и группам, духовенству, контрреволюционным организациям, заговорам, восстаниям, военному состоянию, спекуляции, недостаткам в советской работе, продовольственному вопросу, безработным, профессиональному движению, военному обучению граждан, работе самого политбюро и бандитизму, а также содержали общие положения. В свою очередь, структура названных сводок позволяет определить основные направления деятельности политбюро. Каждая из сводок завершалась заключением, в котором акцентировалось внимание руководства на наиболее актуальных вопросах. Так, в адресованной секретному отделу ДонЧК сводке политбюро Хоперского округа за период с 16 по 28 апреля 1921 г. прежде всего обращалось внимание на мародерство и иные серьезные злоупотребления, допускавшиеся продовольственными агентами. Последние, располагая

практически неограниченными полномочиями, по данным политбюро, отказывались признавать кого бы то ни было из числа функционеров органов советской власти. Обращалось внимание на отсутствие политической работы и слабую партийную дисциплину среди коммунистов в регионе, что в условиях разгула бандитизма являлось недопустимым [12, л. 131].

Названное политбюро основное внимание уделяло борьбе с контрреволюционными элементами. В этой связи при поддержке бедноты его сотрудниками были арестованы 48 заложников из числа потенциальных контрреволюционеров. Большинство из них ранее занимали ответственные посты в органах советской власти. В связи с их отстранением от должности и арестами политбюро подверглось жесткой критике со стороны соответствующих учреждений.

Особые задачи, требующие «напряжения всех сил», возлагались на политбюро как на «органы губчреззкома в уездах» в связи с имевшей место в изучаемый период советско-польской военной кампанией [13, с. 95]. По имевшимся данным, польское командование отдало находящимся на территории РСФСР своим агентам и шпионам секретное распоряжение о взрыве в тылу Красной армии артиллерийских складов, фабрик, заводов, мостов и иных объектов оборонного значения, находившихся под охраной чрезвычайных комиссий. Для осуществления поставленных задач от политбюро потребовалось установить тесную связь с партийными организациями на местах, а также «верной идеям советской власти частью городского и деревенского пролетариата». Руководству уездной РКМ и политбюро президиумом губЧК было предписано незамедлительно войти с соответствующими представлениями в уездные комитеты партии на предмет привлечения через президиумы ячеек всех коммунистов к осведомительной работе в отношении названных оборонных объектов. При этом политбюро призвали всех членов партии уездов стать их секретными сотрудниками, утверждая, что благодаря этому удастся разгромить врагов и одержать победу над капиталистической Польшей. Залогом успеха борьбы с польскими и иными контрреволюционерами, их агентами и шпионами объявлялось неразглашение коммунистами сведений о полученных ими от политбюро заданий по осведомительной и наблюдательной работе. Предание их гласности было объявлено тягчайшим преступлением перед Республикой.

Негласная слежка за оборонными объектами предусматривала ведение за ними внутреннего и наружного наблюдения уполномоченными политбюро, включая их учет; изучение места расположения; осведомление и разведку в пределах объектов охраны. Путем секретного осведомления, наблюдения и разведки проверялся весь личный состав администрации, беспартийных рабочих и служащих охраняемых объектов, устанавливалось строгое наружное и внутреннее наблюдение за специалистами.

Особое внимание уделялось персоналу караульных команд, из которых под разными предлогами в служебном порядке экстренно удалялись все «кулацкие и польские

элементы». В аналогичном порядке под строгий надзор в «более безопасные» учреждения переводились с охраняемых объектов вызывающие подозрение служащие. Политбюро следили за состоянием охраны оборонных объектов, в необходимых случаях принимали меры к ее усилению, регулярной дневной и ночной проверке постов, пресечению «разгильдяйства и кумовства» в караульных войсках. Пропускная система оборонных объектов также находилась в центре внимания политбюро.

Особенно тщательному контролю со стороны политбюро подлежала противопожарная охрана оборонных объектов. С этой целью их уполномоченные обязаны были лично проверять наличие противопожарного инвентаря, знакомиться с порядком и техническим состоянием отопления.

В прилегающих к оборонным объектам селениях политбюро расставляли посты разведчиков – коммунистов из ячеек. Им был поручен тщательный надзор за вновь прибывающими лицами, связями местного населения с охраняемыми объектами. Все жители польской национальности, кулацкие элементы и подозрительные подлежали незамедлительному отселению в другие районы при помощи жилищных отделов.

По заданию губЧК политотделы занимались проверкой регистрационных данных лиц польской национальности. Уклонявшиеся от регистрации граждане этой категории, а также их пособники подлежали аресту и преданию суду как «шпионы польского правительства». Все обвиняемые вместе с возбужденными уголовными делами при этом подлежали передаче в губЧК.

О состоянии охраны оборонных объектов, а также мерах, принятых политбюро к ее усилению, была введена особая еженедельная отчетность в губЧК. За их целостность и сохранность устанавливалась персональная ответственность руководства как уездной милиции, так и политбюро. Неисполнительность и халатность в данной сфере влекли для их представителей «беспощадную кару».

Некоторые адресованные политбюро поручения губЧК отличались оригинальностью. Так, президиум последней направил политическим бюро задание по сбору документов и материалов, относящихся к эпохе царизма, в том числе альбомов чиновников, царских слуг, свидетельств «удушения» социалистов, фотографий и иных артефактов участников и жертв Гражданской войны, белого террора и белогвардейских зверств. Учитывая их огромное историческое, научное и практическое значение, при ВЧК был открыт музей, в котором собиралась коллекция подобных документов и материалов. Предварительно названные артефакты концентрировались в секретно-оперативном отделе губернской ЧК.

Следует признать, что компетенция сотрудников политбюро выходила далеко за рамки оперативного наблюдения за политической обстановкой. Как это станет видно далее, они наделялись правом производства по делам о государственных и некоторых других преступлениях. Характерным в этом отношении является случай сотрудника политбюро Царицынской уездной милиции Дмитриевского, направленного на расследование обстоятельств «бунтов»

в с. Лозном в сентябре 1920 г. После того, как он вызвал на допрос несколько местных жителей, собралась агрессивная толпа женщин с требованием прекратить аресты. Лишь после прибытия команды милиционеров с оружием наизготовку, Дмитриевскому удалось арестовать 15 женщин как зачинщиц бунта и произвести расследование хищений излишков хлебных запасов [14, л. 157].

Между тем, 15 февраля 1920 г. президиумом ВЧК была издана инструкция политбюро при уездной милиции, в соответствии с которой все дела «контрреволюционного свойства» для дальнейшего рассмотрения подлежали передаче в губЧК. В аналогичном порядке реализовывались и подготовленные по специально разработанной форме еженедельные доклады о результатах агентурно-осведомительной работы. Малозначительные дела, а также дела в отношении спекулянтов направлялись для производства в управления уездной милиции для последующего разбирательства в трибунале или местном суде по принадлежности.

Так, с 15 сентября по 1 ноября 1920 г. в производстве политбюро 2-го Донского округа находилось 86 уголовных дел. В порядке внесудебной репрессии с рекомендацией применения высшей меры наказания на рассмотрение губЧК было направлено 10 дел на 14 чел.; для заключения в лагерь принудительных работ («контрреволюционный лагерь») – шесть дел на девять человек. В тюрьму на срок от 1 месяца до 5 лет (с применением принудительных работ) было заключено 14 чел., проходивших по восьми делам. В ревтрибунал с рекомендацией применения высшей меры наказания политбюро направило три дела на троих человек. Десять подсудимых, ввиду преклонного возраста, были освобождены, 20 чел., проходивших по 12 делам, освобождены «под условную подписку» [10, л. 3].

Названным приказом № 78 от 9 апреля 1921 г. указывалось на недопустимость использования политбюро по мелким и спекулятивным делам, не имеющим первостепенного значения, в результате чего они отвлекались от возложенной на них серьезной работы. На предмет устранения этого явления под личную ответственность начальников уездной милиции политбюро было предписано немедленно передать в управления РКМ для направления в местный народный суд все дела о преступлениях и проступках уголовного характера, о спорах, имущественных и личных правах, а также бесспорные производства. От президиума губернской ЧК последовало указание относительно продуктов питания, реквизируемых политбюро в ходе производства по имевшимся у них делам, очевидно, на предмет недопущения каких-либо злоупотреблений на этот счет. Таковые подлежали незамедлительной сдаче по актам в местные продовольственные комитеты, копии которых хранились в уездных управлениях РКМ.

Несмотря на высокие требования, которые предъявлялись к начальствующему и рядовому составу политбюро, с их стороны были нередки случаи злоупотреблений служебным положением, подчас принимавшие крайние формы. Например, 6 февраля 1922 г. Саратовский революцион-

ный трибунал приговорил к расстрелу бывшего начальника Дергачевской уездной милиции Филимова и находившегося в его подчинении начальника политбюро Фомина, обвинявшихся в превышении власти, самочинных расстрелах и расхищении вещественных доказательств. В ходе разбирательства установлено, что, будучи начальником политбюро, летом 1921 г. Фомин в пьяном виде являлся в местный арестный дом, где убивал заключенных. Зная о пытках и расстрелах арестованных, совершавшихся некоторыми уполномоченными вверенного политбюро, он не только не предотвращал, но, напротив, поощрял их. Находясь в составе оперативной тройки и исполняя обязанности по наблюдению за ее следственными действиями, он также своей властью производил расстрелы находившихся в ее производстве лиц. При исполнении служебных обязанностей начальника политбюро Фомин привел книгу учета вещественных доказательств в хаотическое состояние, выбрасывал их списки в мусорный ящик. Благодаря этому, он и его подчиненные получили возможность присваивать ценные вещи, изъятые у арестованных.

Филимов, являясь начальником уездной милиции и осуществляя общее руководство входящим в его состав политбюро, был не только в курсе всех преступных деяний Фомина, но и принимал в них непосредственное участие. При этом он не только пьянствовал вместе с ним, но и присваивал вещественные доказательства, расстреливал заключенных арестного дома и арестованных оперативной тройкой. При этом расстрелы оформлялись Филимовым фиктивными актами под предлогом попытки к побегу, причем исполнителям расстрелов от управления уездной милиции выносилась благодарность. Учитывая тяжесть совершенных Филимовым и Фоминым деяний, трибунал не считал возможным применить к ним амнистию по случаю четвертой годовщины Октябрьской революции [15, л. 16 об.].

Свои коррективы в деятельность политбюро по борьбе с преступностью внес разгул бандитизма. В создавшихся экстраординарных условиях порой выдвигались инициативы о придании политбюро полномочий по внесудебной расправе с бандитами. С ходатайством именно такого свойства обратились члены Усть-Медведицкого ревкома в губисполком. В частности, в связи с развившимся бандитизмом и отсутствием ревтрибунала, они просили утвердить при политбюро коллегию с правами ЧК [12, л. 133].

Нередко сотрудники политбюро принимали активное участие в боевых действиях по противодействию бандитизму и карательных операциях по искоренению дезертирства. Так, уполномоченный политбюро в Ленинском уезде Игнатъев был включен в «особый отдел по производству обысков и арестов» отряда коммунистов, направленного на борьбу с бандами дезертиров 22 июля 1920 г. Помимо исполнения непосредственных обязанностей, Дмитриеву была поручена «общеполитическая работа» отряда, в частности, пропаганда среди крестьян, организация митингов, распространение и читка пропагандистской литературы. Его основной задачей при этом было завоевание среди крестьян «симпатий» к отряду и его действиям.

Характерно, что при производстве одного из обысков, Игнатьевым было задержано командование отряда за хищение обнаруженных денег [16, л. 7].

Политбюро принимало активное участие в местном нормотворчестве, направленном на решение актуальных задач по борьбе с контрреволюцией и наиболее опасными уголовными преступлениями. Так, 9 апреля 1921 г. политбюро совместно с ревтрибуналом было поручено в 2-дневный срок разработать план мероприятий по борьбе с бандитизмом в Усть-Медведицком округе и представить его на утверждение объединенного заседания местных ревкома и комитета партии [12, л. 131].

Несмотря на всю их жестокость, направленные против бандитов репрессивные меры выглядят вполне адекватными по сравнению с теми чудовищными злодеяниями, которые чинили бандиты на территории округа. На массовые кровавые расправы с представителями партийного и советского актива по сути был дан ответ в форме «красного террора» по отношению к бандитам и членам их семей. По инициативе начальника политбюро Куприянова названным планом предусматривалось незамедлительное взятие заложников в тех местностях, где имели место убийства бандитами партийных или советских работников. При наступлении подобных случаев заложники подлежали расстрелу. Было выдвинуто предложение предоставить любому гражданину право расстреливать на месте не только застигнутых с оружием бандитов, но и их активных пособников. Имущество осужденных за бандитизм подлежало конфискации. Все трудоспособные члены семей бандитов выселялись либо направлялись в лагеря принудительных работ, а их имущество полностью конфисковывалось. Предусматривалось установление круговой поруки среди населения в местностях, где укрывались дезертиры и бандиты. Укрывательство последних также было чревато конфискацией имущества [там же].

Кроме того, наряду с представителями ревкома и военкома, начальник политбюро был включен в состав комиссии по выработке плана по изъятию из воинских и гражданских учреждений представителей буржуазии и нетрудового элемента [там же].

В заключение необходимо отметить условия, в которых происходила работа политбюро, а также их материально-техническое обеспечение. Так, 25 июля 1920 г. начальник политбюро в Ленинском уезде сообщал губЧК, что его сотрудники работают добросовестно, однако жалуются на недостаток продовольствия, а также полное отсутствие одежды и обуви. Несмотря на огромную следственную нагрузку, ни канцелярских принадлежностей, ни регистрационных материалов, ни бланков у них не имелось [16, л. 5]. Отсутствие канцелярских принадлежностей и обмундирования серьезно тормозило работу Хоперского политбюро. Ввиду отсутствия бумаги осведомители лишались возможности направить в политбюро необходимые для составления информационных сводок сведения [17, л. 26–29].

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что политические бюро при начальниках уездных управлений милиции не ограничивались политическим

осведомлением на вверенной территории. Они принимали самое активное участие в уголовном судопроизводстве, в основном, по делам о государственных преступлениях. Законченные производством в политбюро уголовные дела находили свое разрешение как в судебном порядке, так и во внесудебном. В своей деятельности сотрудники политбюро оказывали противодействие нарушениям законности со стороны иных органов борьбы с преступностью. Наряду с этим необходимо признать, что в своей деятельности политические бюро сами нередко испытывали значительные пережитки нарушений социалистической законности, имевших место в практике их предшественников – уездных чрезвычайных комиссий, и послуживших одной из причин их ликвидации. Выявленные архивные источники убедительно показывают, что с подобными проявлениями руководящими органами ЧК, РКМ, а также трибуналами велась непримиримая борьба.

Литература

1. Гутман, М.Ю. К вопросу о политических бюро при начальниках уездных управлений милиции (1919–1922 гг.) / М.Ю. Гутман // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 28–32.
2. Кобелева, Е.А. Создание уездных политических бюро на Западном Урале (начало 1920 г.) / Е.А. Кобелева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6, Ч. 1. – С. 74–76.
3. Кожин, А.В. Политические бюро как учреждения ВЧК для получения конфиденциальной информации о местной жизнедеятельности / А.В. Кожин // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70. – С. 195–198.
4. Шаталов, Е.А. Политические бюро уездных управлений рабоче-крестьянской милиции: организационно-правовой и региональный аспекты становления и функционирования / Е.А. Шаталов // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 109–112.
5. Иванов, С.А. Специфика взаимодействия учреждений милиции и ВЧК периода становления советской правоохранительной системы / С.А. Иванов, С.Н. Рубцов // Силовые структуры: история и современность: сборник статей Восточно-Сибирского института МВД РФ. – Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД России, 2002. – С. 47.
6. Ашихмина, А.В. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А.В. Ашихмина, А.Е. Епифанов, В.М. Абдрашитов. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2008. – 222 с.
7. Бурьянов, С.А. Свобода совести в Российской Федерации: современное состояние, тенденции, перспективы / С.А. Бурьянов // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2. – С. 15–16.

8. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 78.
9. ГАВО. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 72.
10. ГАВО. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 153.
11. ГАВО. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 111.
12. ГАВО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 3.
13. ГАВО. – Ф. 1717. – Оп. 1. – Д. 180.
14. ГАВО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 24.
15. ГАВО. – Ф. 5701. – Оп. 1. – Д. 23.
16. ГАВО. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 26/6.
17. ГАВО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 16.

References

1. Gutman, M.Yu. K voprosu o politicheskikh byuro pri nachalnikah uezdnyh upravlenij milicii (1919–1922 gg.) [On the Question of political bureaus under the Heads of District militia departments (1919–1922)] / M.Yu.Gutman // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bull. of St.Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2011. № 1 (49). – P. 28–32.
2. Kobeleva, E.A. Sozdanie uezdnyh politicheskikh byuro na Zapadnom Urale (nachalo 1920 g.) [Establishment of District political bureaus in the Western Urals (early 1920)] / E.A.Kobeleva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. – Tambov: Gramota, 2017. – № 6. – Part 1. – P. 74–76.
3. Kozhin, A.V. Politicheskie byuro kak uchrezhdeniya VChK dlya polucheniya konfidencialnoj informacii o mestnoj zhiznedeyatel'nosti [Political Bureaus as institutions of the All-Russian Emergency Commission for obtaining confidential information about local life activities] / A.V.Kozhin // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena [Proc. of A.I. Herzen Russian State Pedagogical Univ.] – 2008. – № 70. – P. 195–198.
4. Shatalov, E.A. Politicheskie byuro uezdnyh upravlenij raboche-krestyanskoj milicii: organizacionno-pravovoj i regionalnyj aspekty stanovleniya i funkcionirovaniya [Political Bureaus of District Departments of the Workers' and Peasants' Militia: organizational, legal and regional aspects of the formation and functioning] / E.A.Shatalov // Istoriya gosudarstva i prava [History of state and law]. – 2011. – № 18. – P. 109–112.
5. Ivanov, S.A. Specifika vzaimodejstviya uchrezhdenij milicii i VChK perioda stanovleniya sovetskoj pravohranitel'noj sistemy [Specifics of interaction between militia institutions and All-Russian Emergency Commission during the formation of the Soviet law enforcement system] / S.A.Ivanov, S.N.Rubtsov // Silovye struktury: istoriya i sovremennost. Sbornik statej Vostochno-Sibirskogo instituta MVD RF [Power structures: history and modernity. Collection of papers of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskij in-t MVD Rossii [East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2002. – P. 47.
6. Ashikhmina, A.V. Mehanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii. [Mechanism for restricting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation] / A.V.Ashikhmina, A.E.Epifanov, V.M.Abdrashitov. – Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Volgograd State Univ. Publ., 2008. – 222 p.
7. Buryanov, S.A. Svoboda sovesti v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie, tendencii, perspektivy [Freedom of conscience in the Russian Federation: current status, trends, prospects] / S.A.Buryanov // Konstitucionnoe i municipalnoe pravo [Constitutional and municipal law]. – 2004. – № 2. – P. 15–16.
8. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO) [State Archives of the Volgograd Region (GAVO)]. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 78.
9. GAVO. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 72.
10. GAVO. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 153.
11. GAVO. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 111.
12. GAVO. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 3.
13. GAVO. – Ф. 1717. – Оп. 1. – Д. 180.
14. GAVO. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 24.
15. GAVO. – Ф. 5701. – Оп. 1. – Д. 23.
16. GAVO. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 26/6.
17. GAVO. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 16.

Информация об авторе:

Епифанов Александр Егорович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216007693>, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770> (125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; e-mail: mvd_djaty@mail.ru).

Author:

Alexander E. Epifanov – Prof., Doctor of Law, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of In-

ternal Affairs of Russia, Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216007693>, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>; (8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., Moscow 125171, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru).

Для цитирования:

Епифанов, А.Е. Из опыта оперативно-служебной деятельности политбюро при начальниках уездных управлений милиции в 1920–1921 годы (по материалам Нижнего Поволжья и Донской области) / А.Е. Епифанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 138–144.

For citation:

Epifanov, A.E. From the experience of operational and service activities of the Political Bureau under the Heads of District militia departments in 1920–1921 (based on the materials of the Lower Volga and Don regions) / A.E. Epifanov // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 138–144.

Дата поступления статьи: 22.03.2023

Прошла рецензирование: 30.03.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 22.03.2023

Reviewed: 30.03.2023

Accepted: 16.06.2023